

А. Д. ЛЮБЛИНСКАЯ

**О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ
НАРОДНЫХ МАСС И СОЦИАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ ЭПОХИ АБСОЛЮТИЗМА**

С момента возникновения советская историческая наука поставила историю народных масс и социальных отношений в центр своего внимания, причем в масштабах не только отечественной, но и всемирной историографии. За истекшее полувековье накоплен огромный фонд исследовательских работ, посвященных социально-экономической структуре общества и особенно положению и борьбе угнетенных классов всех исторических эпох вплоть до наших дней. Закономерно и то большое место, которое занимает весь комплекс этих проблем в марксистской зарубежной литературе. За последнее время заметно усилился интерес к ним в среде историков разных направлений в капиталистических странах в связи с возросшей ролью народных масс в современную эпоху, с воздействием марксистской мысли, с углублением социально-экономической тематики вообще, с привлекающими все большее внимание проблемами социальной психологии. Среди объектов такого рода исследований выступают иногда и народные массы эпохи абсолютизма. Характерно, что посвященным им работам (или страницам в трудах с иной тематикой) нередко присуща открытая или скрытая полемика с марксистскими концепциями и оценками.

Медиевистам хорошо известна одна особенность источникововедческого порядка, ставящая особые и значительные трудности при изучении данных проблем. В средневековых источниках крайне редки случаи, когда народные массы непосредственно выступают в том или ином аспекте своего исторического бытия. Нормой является или отражение их положения через явления другой социальной окрашенности (например, жизнь и труд крестьян в документах барского поместья, фиксирующих форму и

характер эксплуатации), или рассказ об их действиях под пером хрониста — представителя другого класса или иной социальной группы.¹ И в том и в другом случае (точнее, в том и другом комплексе случаев) прямое воспроизведение исследователем данных источника может грозить существенным искажением исторической действительности и исторической перспективы. Таким образом, вопросы методологии теснейшим образом переплетаются с методикой источниковедческого анализа и характером привлекаемых источников.

Особенно большую роль играет этот момент при анализе народных движений, когда народ внезапно и самовольно вырывается на передний план, делом и словом заявляя о своих нуждах и требованиях. Не менее важна задача адекватного воспроизведения историком идеологии, чаяний и надежд народных масс. Но если по конкретной истории народных движений советская медиевистика располагает ценными исследованиями, то в изучении народной идеологии она делает первые шаги.² Между тем эти явления неразрывно между собой связаны: в прошлом они были разными формами выражения одной сущности, ныне они связываются методологическим единством исследования, обеспечивающим большую глубину и точность получаемых выводов.³

Из всех стран и периодов западноевропейского абсолютизма мы остановимся на Франции первой половины XVII в., которая по ряду причин привлекла особенное внимание зарубежной науки.

Главной причиной является чрезвычайно большое число восстаний именно в это время. В 1620—1640 гг. они вспыхивали почти ежегодно в разных городах и областях. Порой одновременно приходили в движение и деревни и города. В отдельных провинциях восстания приобретали характерные особенности, и в то же время им были присущи многие общие черты. Все они протекали в сложной социальной и политической обстановке, накладывавшей на них свой отпечаток.

Эти восстания достаточно хорошо освещены источниками, а некоторые из них были в XIX в. детально описаны в локальных

¹ Интересная постановка вопроса дана в ст.: Ц. Бобиньская. Пробелы в источниках. Методологический анализ. *Вопр. истории*, 1965, № 6; см. также: О. Л. Вайнштейн. *Западноевропейская средневековая историография*. М.—Л., 1964.

² А. Я. Гуревич. Некоторые аспекты изучения социальной истории. *Вопр. истории*, 1964, № 10; Е. В. Гутнова. 1) Некоторые проблемы идеологии крестьянства эпохи средневековья. *Вопр. истории*, 1966, № 4; 2) Основные источники и историография по истории крестьянской идеологии в Англии XIII—XIV вв. В сб.: *Средние века*, вып. 29, М., 1966. Следует, однако, заметить, что изучение еретических учений уже дало много ценного материала для разработки проблемы народной идеологии.

³ В указанных статьях Е. В. Гутновой эта связь ярко выступает как в конценции автора, так и при анализе работ буржуазных медиевистов.

исследованиях. В настоящее время в научный оборот введены новые и очень ценные источники: начата систематическая публикация материалов из архива канцлера Сегье,⁴ детально рисующих не только народные движения, но и многие стороны жизни французских провинций в 1630—1640 гг., т. е. обстановку, в которой происходили эти движения.⁵

В 1963 г. появился французский перевод книги Б. Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648)»,⁶ первого сводного исследования по данной теме, вышедшего в Москве в 1948 г. Оно было известно зарубежным читателям по немецкому переводу,⁷ но французское издание значительно расширило их число и вызвало многие отклики, особенно в среде французских историков. Специалисты по истории Франции XVII в. откликнулись еще на немецкий перевод. Они ознакомили читателей с главными тезисами автора⁸ и высказали свои соображения. К их числу принадлежат Р. Мунье⁹ и Р. Мандру.¹⁰ Французский перевод уже вызвал значительное

⁴ Архив канцлера Пьера Сегье (1588—1672) ныне хранится в Национальной библиотеке в Париже, в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и в Британском музее в Лондоне. Отдельные документы и сравнительно небольшие группы документов публиковались и ранее, но всегда по какой-либо одной теме.

⁵ *Lettres et mémoires adressés au chancelier Seguier (1633—1649), recueillis et publiés par Roland Mousnier, t. 1—2. Paris, 1964* (409 документов из парижской части архива, касающ хся почти всех французских провинций); *Внутренняя политика французского абсолютизма (1633—1649)*. Под ред. А. Д. Люблинской. М.—Л., 1966 (359 документов из ленинградской части архива, относящихся к Лангедоку, Провансу и Дофинэ, во введении дана общая характеристика архива; наличие в переводах книги Б. Ф. Поршнева имеющегося в русском издании приложения — 79 документов из ленинградской части архива Сегье, позволило не включать эти документы в данную публикацию).

⁶ В. P o r c h n e v. *Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648. Paris, 1963* (Ecole Pratique des Hautes Etudes, VI section, Oeuvres étrangères, IV). Перевод сделан под редакцией и с предисловием Робера Мандру. Автор снабдил перевод кратким предисловием, редактор добавил приложения — хронологическую таблицу восстаний и 24 карты.

⁷ В. F. P o r s c h n e w. *Die Volksaufstände in Frankreich vor der Fronde 1623—1648. Leipzig, 1954*. Перевод сделан под редакцией К. Людвига с предисловием К. Лейна.

⁸ Основные выводы Б. Ф. Поршнева были изложены в статье Ж. Брюа в журнале «*Pensées*» (1950, №№ 29, 32); там же появился и перевод авторского предисловия к книге (1952, №№ 40, 41).

⁹ R. M o u s n i e r. 1) *Recherches sur les soulèvements populaires en France avant la Fronde. Revue d'histoire moderne et contemporaine, t. V, 1958, avril—juin*; 2) *Les mouvements populaires en France au XVII siècle. Revue des travaux de l'Académie des sciences morales et politiques, 1962, 2 semestre*. Этот доклад Р. Мунье на заседании Академии моральных и политических наук вызвал оживленную дискуссию. Той же теме посвящен доклад Р. Мунье, сделанный 3 октября 1961 г. на франко-советском симпозиуме в Москве.

¹⁰ R. M a n d r o u. *Les soulèvements populaires et la société française du XVII siècle. Annales E. S. C., 1959, № 4*.

число рецензий,¹¹ возможно, их будет еще больше. Появилось также несколько интересных статей, посвященных истории отдельных восстаний.¹² Вокруг исследования советского историка возникла и развивается обширная и плодотворная научная дискуссия.¹³ Книга Б. Ф. Поршневa возбудила интерес не только к углубленному исследованию истории народных движений в XVII в., но и к связанным с ними проблемам методологического порядка, что представляет особое значение для целей настоящей статьи. Поэтому именно этой стороне дискуссии мы уделим наибольшее внимание, а затем выскажем и свою точку зрения.

Основные вопросы, поднятые авторами вышеперечисленных статей и рецензий, касаются социальной структуры французского общества первой половины XVII в. и отношения к народным движениям со стороны привилегированных сословий и групп, а также программ восстаний и идеологии их участников. Рассмотрение их в совокупности приводит почти всех участников дискуссии к необходимости высказать свои соображения о характере и значении классовой борьбы во Франции изучаемого периода, причем эти соображения имеют по большей части и более широкий методологический интерес.

Проф. Р. Мунье¹⁴ считает очень характерным для Франции того периода участие в народных движениях иных социальных

¹¹ E. Pitz, Vierteljahrsschr. Sozial und Wirtschaftsgeschichte, 1964, H. 3, SS. 407—409; W. C h u r c h, Journ. modern hist., 1964, № 4, pp. 447—449; C. V i v a n t i, Rivista storica italiana, Napoli, 1964, fasc. 4, pp. 957—981; D. L i g o u, Rev. hist. écon. et soc., 1964, № 3, pp. 378—385; G. L e m a r c h a n d, Pensée, 1965, № 121, pp. 109—119; V. T a p i è, Annales E. S. C., 1965, № 6, pp. 1253—1254; H. B. - M., Rev. synthèse, 1965, № 40, p. 447; Intern. rev. soc. hist., 1965, P. 3, p. 507; M. P r e s t w i c h, English hist. rev., 1966, v. LXXXI, № 320. См. также послесловие Р. Мунье в его публикации документов из архива Сегье.

¹² M. D e g a r n e, Etudes sur les soulèvements provinciaux en France avant la Fronde. La révolte du Rouergue en 1643. XVII siècle, 1962, № 56; R. P i l l o r g e t, Les «cascaveoux». L'insurrection aixoise de l'automne 1630. Там же, 1964, № 64; J. R i c h a r d, Autour du Lanturelu. Annales Bourgogne, 1965, fasc. 2; M. C a i l l a r d, La révolte des va-nu-pieds. В кн.: A travers la Normandie des XVII et XVIII siècles. Caen, 1963. В этих статьях использован гораздо более обширный и разнообразный фонд источников, чем тот, которым располагал Б. Ф. Поршнев; поэтому многие его данные и выводы исправлены или дополнены. Очень интересна обширная программа исследований народных движений во Франции в 1483—1787 гг., опубликованная Р. Мунье (Rev. Nord, 1962, t. XLIV).

¹³ Примером «ответного» исследования можно считать лекции Р. Мандру, прочитанные в 1960 г. в Пизанском университете и опубликованные (в несколько переработанном виде): R. M a n d r o u, Classes et luttes de classes en France au début du XVII siècle. Messina—Firenze, 1965.

¹⁴ R. M o u s n i e r, Recherches sur les soulèvements populaires... Проф. Ролан Мунье является крупным специалистом и автором многочисленных

слов. Почти ко всем восстаниям были причастны более или менее значительные группы привилегированных сословий.¹⁵ Дворяне порой защищали своих держателей и арендаторов от притязаний фиска, укрывали восставших в своих замках, иногда даже провоцировали крестьян на восстания (например, «кроков» в 1636—1637 гг.). В городах чиновничество и буржуазия играли аналогичную роль: они зачастую попустительствовали восстаниям, не торопились их подавлять, разжигали ненависть ремесленников и рабочих к агентам фиска. Одним из наиболее ярких тому примеров является восстание 1630 г. в Эксе, где во главе движения стоял президент эжского парламента Кориолис вместе с другими чиновниками и буржуазией.¹⁶

Для объяснения этого явления Мунье выдвигает несколько причин. В деревне еще очень сильны были патриархальные связи сеньоров и крестьян. Первые были обязаны защищать своих держателей, вторые — быть «верными» сеньору. Эти связи «по вертикали» в пределах сеньорий и даже областей в XVII в. еще превалировали над классовым единением отдельных социальных слоев «по горизонтали». Кроме того, дворяне были прямо заинтересованы в сопротивлении крестьян налоговому гнету, ибо, разоряя крестьянство, фиск посягал тем самым и на сеньориальные доходы. Чиновники-землевладельцы занимали ту же позицию, что и дворяне.¹⁷

Имущие слои городского населения — чиновники и буржуазия — также имели основания для оппозиции фискальному гнету и интендантам. Правительство допымало их бесконечными принудительными займами, созданием новых должностей и т. д. и т. п. Интенданты ущемляли функции местных магистратов.¹⁸

тудов по истории Франции XVI—XVIII вв. Подробнее о них см.: А. Д. Л ю б л и с к а я. 1) Франция в начале XVII в. Л., 1959, гл. II; 2) Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.—Л., 1965, гл. I, II. См. также статьи Р. Мунье, посвященные социальной структуре Франции эпохи абсолютизма: R. Mousnier. 1) Problemes de stratification sociale. В кн.: R. Mousnier, J.-P. Labatut, Y. Durand. Deux cahiers de la noblesse (1649—1651). Paris, 1965; 2) Problemes de methode dans l'etude des structures sociales des seizieme, dix-septieme, dix-huitieme siecles. В кн.: Spiegel der Geschichte. Festgabe für Max Braubach zum 10 April 1964. Münster, 1964.

¹⁵ В предисловии к французскому переводу своей книги Б. Ф. Поршнев согласился с этим (В. Поршневу. Les soulèvements. . ., p. 14).

¹⁶ R. Mousnier. Recherches sur les soulèvements populaires. . ., pp. 81—106.

¹⁷ Последнее соображение подтверждается выводами, сделанными П. Дейоном на основе источников, рисующих ущемление правительством налоговых привилегий провинциального дворянства (P. Deon. A propos des rapports entre la noblesse française et la monarchie absolue pendant la première moitié du XVII s. Rev. hist., 1964, t. CCXXXI). Действительно, у французского провинциального дворянства были основания быть недовольным фискальной политикой Риппель и Мазарини.

¹⁸ См. статью Мунье о чиновничестве и интендантах: R. Mousnier. 1) Etat et commissaire. Recherches sur la création des intendants des provinces

Эта оппозиция «определяла ритм восстаний и часто создавала революционную ситуацию»,¹⁹ а в период Фронды она достигла апогея.

В докладе на заседании Академии моральных и политических наук²⁰ Р. Мунье развертывает а еще более конкретизирует свои положения. Обрисовав главные черты общей неблагоприятной экономической конъюнктуры (война, налоги, грабежи солдат, эпидемии, низкие цены), он отмечает, что хотя она и создавала условия для непрерывных волнений, но действовала отнюдь не сама по себе, а через посредство социальной структуры французского общества, отличавшейся большой сложностью. Источники свидетельствуют, что в движениях принимали участие самые различные социальные группы, и притом в сложных комбинациях. Не только ремесленники и крестьяне, но и чиновники, дворяне, буржуазия выступали против фиска, министров, короля. Вот несколько примеров.

В 1628—1629 и 1636 гг. в Сентонике и в Ангумуа (винодельческих областях) волнения вспыхивали всякий раз, как только повышались поборы с вина, экспортируемого по Шаранте. Там совпадали интересы крестьян-виноградарей и дворян-землевладельцев, ибо и те и другие конкурировали и враждовали с бордоскими экспортерами вина; поэтому дворяне толкали крестьян на восстания.

Схожая обстановка — на юге Гиэни в 1664—1675 гг. Область не платила соляного налога, и попытка Кольбера ввести его привела к восстанию. Волнение охватило значительную территорию, и привилегированные сословия во главе с вице-королем Беарна и Наварры маршалом Грамоном фактически поддержали восставших крестьян. Вождь их Одижо был дворянином и воплощал собой борьбу дворянства и области за сохранение вольностей.

В Эксе в 1630 г. восстание было спровоцировано чиновниками, защищавшими налоговые привилегии Прованса. Но парламент раздирался борьбой партий, и это парализовало движение.

Восстание 26 августа 1648 г. в Париже — начало парламентской Фронды — возникло в буржуазной среде и было поддержано народом.

Восстание в Бретани в 1675 г. представляет собой настоящую Жакерию, направленную против новых сеньориальных поборов и некоторых акцизных сборов. Крестьяне грабили и жгли замки, убивали дворян, нападали на города. Причина движения ясна: сеньориальный режим был в Бретани особенно тяжелым и, кроме

(1634—1648). В кн.: *Forschungen zu Staat und Verfassung. Festgabe für Fr. Hartung*. Berlin, 1958; 2) *Serviteurs du roi. Quelques aspects de la fonction publique dans la société française du XVIIe s. XVIIe siècle*, 1959, №№ 42—43; 3) *Recherches sur les syndicats d'officiers pendant la Fronde* (там же).

¹⁹ R. Mousnier. *Recherches sur les soulèvements populaires* . . . , p. 113.

²⁰ R. Mousnier. *Les mouvements populaires en France* . . .

того, сеньоры увеличили поборы примерно на треть. Крестьяне требовали уничтожения десятины, барщины, шампара, баналитетов, сеньориальной юстиции, но об отмене феодального цеза речи не было. Они не восставали против политического строя, признавали провинциальные штаты. Даже в данном случае, когда классовая борьба несомненна, восставшие не стремились к сокрушению феодального строя и монархии, не требовали они и отмены феодальной собственности.²¹

Общей чертой всех восстаний являлся страх (hogneur) перед унифицирующей деятельностью правительства. Эти стремления сохранить прежнее положение или даже вернуться к далекому прошлому реакционны. Мунье считает, что революционерами были в ту пору король и его совет (в XVIII в. положение изменилось). Основную задачу историка, исследующего народные движения, он видит в изучении социальной структуры во всей ее сложности.²²

В своей статье Р. Мандру²³ касается главным образом вопросов, связанных с определением хронологических циклов восстаний, с их территориальным распределением, основными причинами возникновения и поражений. Он не считает восстания 1623—1648 гг. каким-либо определенным и законченным циклом.

²¹ Там же, стр. 34.

²² При обсуждении доклада Мунье выступавшие наметили некоторые интересные конкретные пути для более углубленного исследования проблемы. Некоторые высказывались о возможной связи специфики аграрной структуры южных и западных провинций — преобладание мелкого крестьянского хозяйства — с особенностями происходивших там восстаний (надо иметь в виду, что известная экономическая и социально-политическая отсталость этих районов еще и поныне играет немаловажную роль в жизни Франции). Может оказаться плодотворным предложение учитывать особенности социальной структуры не только целых провинций, но даже их отдельных частей, специфика которых опять-таки нередко сохранилась до наших дней, а для XVII в. различия в пределах одной провинции вполне поддаются определению: например, горный Лагедок (а в нем в свою очередь несколько районов) не похож на приморский; в Гиэни также пасчитывается не менее десятка соседних областей с выраженным своеобразием и т. д. Интересна мысль о возможной связи между попытками правительства ограничить до известной степени привилегии дворянства и чиновничества и причастностью этих сословий к народным движениям с целью использовать их в своих интересах. Привилегированным сословиям приходилось вести упорную борьбу с абсолютизмом за сохранение в полном объеме своих «вольностей» и прав, и в народных движениях они видели одно из средств, которое можно было применить для достижения своих целей.

²³ R. M a n d r o u. Les soulèvements populaires... Робер Мандру является крупным специалистом по истории Франции XVI—XVII вв. Его перу принадлежит вторая часть в кн.: G. D u b y et R. M a n d r o u. Histoire de la civilisation française, tt. 1—2. Paris, 1958, а также интересные исследования по социальной психологии (R. M a n d r o u. Introduction à la France moderne. Essai de psychologie historique 1500—1640. Paris, 1961) и по народной идеологии (R. M a n d r o u. De la culture populaire aux 17-e et 18-e siècles. La bibliothèque bleue de Troyes. Paris, 1964), а также многие статьи за последние годы.

Таковым мог бы считаться период с 1580 (если не раньше) вплоть до 1676 г., поскольку он действительно имеет определенную и постоянную характеристику. К тому же и территориально почти все восстания разыгрывались в тех провинциях, которые послужили ареной для наиболее напряженных событий религиозных войн XVI в.²⁴ Соответственно в этих же хронологических и территориальных пределах следует искать основные причины восстаний. Налоговое обложение должно быть поставлено в зависимость от общей экономической конъюнктуры, а не просто рассматриваться как единственная и непосредственная причина восстаний. «Только тогда, — пишет Мандру, — можно будет лучше установить реальное своеобразие этих восстаний, точнее определить их повторяемость».²⁵

Мандру подчеркивает важность вопроса о причинах поражения восстаний: «Эта революционная сила, постоянно готовая к действию, не смогла ничего изменить ни в социальной, ни в политической структуре Франции».²⁶ Чего же недоставало во всех восстаниях XVII в., в том числе и во Фронде? Классового самосознания буржуазии, т. е. политического сознания необходимости связать воедино революционную силу народа со своими социальнополитическими устремлениями. Мандру заключает свою статью словами: «Чтобы прийти к пониманию этих движений и их поражений, нужно внимательно изучить не только экономику, структуру общества и учреждения, но и особенно — коллективную психологию с ее многообразными связями и ее весьма удивительными резонансами».²⁷

Разработке этих проблем Мандру и посвятил цикл своих лекций, представляющих очень большой интерес и заслуживающих детального анализа.²⁸ Автор ставит перед собой задачу: выяснить, можно ли говорить о классовой борьбе во Франции в начале XVII в. В соответствии с этим он рассматривает положение почти всех социальных слоев: старого дворянства, нового дворянства (чиновничества), буржуазии и народа. Выводам придан характер предположений (*conclusions provisoires*).

Все эти социальные силы Мандру распределяет по двум лагерям: народ — в один, все остальные — в другой. Долгое время три привилегированных сословия со своими конфликтами привлекали главное внимание исследователей. «Народные движения выводят на сцену четвертого актера, чей голос полон мощи, хотя он и пребывал долго в забвении».²⁹ Францию первой половины

²⁴ В целом это наблюдение Мандру хорошо прослеживается на картах, приложенных им к французскому переводу книги Б. Ф. Поршинева (*B. P o r c h i n e v. Les soulèvements. . .*).

²⁵ R. M a n d r o u. *Les soulèvements populaires. . .*, стр. 760.

²⁶ Там же, стр. 761.

²⁷ Там же, стр. 765.

²⁸ R. M a n d r o u. *Classes et luttes des classes. . .*

²⁹ Там же, стр. 13.

XVII в. Мандру сравнивает с многократерным вулканом: ежегодно вспыскивают десятки конфликтов социальных и политических. По его мнению, интерес труда Б. Ф. Поршпева в том и заключается, что он напомнил об участии в этих столкновениях народных масс, игравших весьма существенную роль.

Автор отмечает не только разнообразие и чрезвычайную сложность социальных конфликтов, но и, прихотливые политические союзы — в зависимости от обстановки — различных социальных сил. Например, в период Фронды торговая буржуазия сперва объединяется с чиновничеством против старого дворянства, но через два месяца она уже оказывается союзницей старого дворянства против чиновников, а те пользуются поддержкой городских народных масс и т. д. и т. п. Для таких сложных явлений нельзя дать какое-либо единое объяснение. Большая сложность социальной структуры Франции в XVII в. — распад старых средневековых классов и начало формирования новых — не позволяет применить к ней четкое и ясное классовое деление, присущее развитому буржуазному обществу XIX—XX вв. или хотя бы кануну революции 1789 г. Поэтому в XVII в. далеко не все социальные столкновения (хотя и существовали огромные различия между имущими и неимущими) принимали форму классовой борьбы, если понимать под ней — а Мандру именно так ее понимает — социально-политическую борьбу, преследующую определенную и достаточно четко осознанную цель политического порядка, что возможно лишь при достаточно развитом классовом самосознании.³⁰ Поскольку эти восстания спонтанны и не имеют определенной политической цели, можно ли говорить о классовой борьбе?

Дальнейшее исследование Мандру и посвящено определению классов, сословий, прослоек и т. д. в их реальном историческом бытии и с присущим им сознанием своих интересов.

Господствующим классом в тот период продолжало оставаться родовитое дворянство. Однако оно отчетливо сознавало опасности, угрожавшие ему со всех сторон. Наиболее тяжелый ущерб был нанесен ему как землевладельческому классу: к чиновникам и богатым купцам перешла значительная часть дворянских фьефов. Старое дворянство утратило господствующее положение в экономике. Этим объясняется участие дворян в конфликтах между крестьянами и агентами фиска, причем на стороне первых: дворяне защищали свои доходы (*matiere imposable*), например в 1623 г. в Керси или в 1643 г. в Дофинэ. Ущерб, нанесенный старому дворянству в социальном плане (а следовательно, и в политическом), выражался в появлении рядом с ним нового и богатого «параллельного» дворянства. Острое и болезненное сознание своего упадка толкало родовитое дворянство на защиту прав и привилегий любыми способами и чаще всего сталкивало его с бур-

³⁰ Там же, стр. 17.

жуазией и с новым дворянством. Борьба имела уже немалую давность, но в XVII в. приобрела особую остроту. Старое дворянство можно бесспорно назвать классом; оно обладало обостренным классовым самосознанием именно в силу того, что почти во всех областях утрачивало свое прежнее господство.

Буржуазии нельзя дать такое определение, она еще не являлась классом. Средневековый термин «буржуа» в XVII в. включал и купцов, и «дельцов» (*hommes d'affaires*, т. е. финансистов), и цеховых мастеров, и мануфактуристов, и интеллигенцию — врачей, юристов и т. д. Вчерашними буржуа были и аноблированные сословие, буржуазия — точнее, буржуазии — составляет во французском обществе противоречивую и двойственную группу.³¹ Внутренние противоречия буржуазии отчетливо проявлялись в отношении к дворянству, но еще яснее — в отношении к народным восстаниям. Ее позиция была неодинаковой: порой она выражалась в пассивности, окрашенной сообщничеством на тот срок, пока движение имело антиналоговый характер, но не больше и не дальше (например в Эксе в 1630 г., в Ниме в 1644 г., в Мулене в 1640 г.). Однако гораздо чаще наблюдается разделение буржуазии на почти равные и нейтрализующие друг друга группы, что временно шло на пользу восставшим (например в 1640 г. в Руане муниципалитет и парламент были враждебны друг другу и восстание продолжалось неделями). В этих случаях отчетливо проявляется неоднородность буржуазии и отсутствие у нее идеологии, определяющей ее социальные и политические реакции.³²

Но бывало и так, что буржуазия с самого начала выступала против восставших и участвовала в «восстановлении порядка». Нередко буржуазия прямо переходила от пассивности или сообщничества к репрессиям — в тех случаях, когда антиналоговое в начале движение оборачивалось против богачей или когда крестьяне присоединялись к плебейству. В таких случаях, действительно, появлялся «классовый фронт»: с одной стороны все народные и бедные элементы, с другой — богатые и привилегированные. Однако, отмечает Мандру, не существовало полного автоматизма в принятии буржуазией той или иной позиции, и в целом ей был присущ глубокий монархизм. События Фронды дают немало примеров неспособности французской буржуазии координировать движения протеста, подвести под них какую-либо иную политическую базу. Она очень быстро сама вновь целиком подчинялась королю. Это своеобразие поведения буржуазии нуждается в более глубоком и точном объяснении. «Классовый фронт» появлялся лишь в одном из перечисленных типичных случаев, а ведь нередко целый город мог за месяц или неделю

³¹ Там же, стр. 49.

³² Там же, стр. 51.

пройти все три стадии. Ответ, по мнению Мандру, надо искать в отношении буржуазии к другим социальным слоям, в ее экономическом возвышении (что хорошо известно) и в ограниченности ее возможностей (что известно меньше).

В XVI в. французская буржуазия сделала значительный шаг вперед в экономическом отношении. В социальном плане она быстро приобрела на службе в королевском аппарате особый престиж и отстранила старое дворянство от административных функций. Итогом возвышения было появление дворянства мантии. Однако в первые десятилетия XVII в. развитие буржуазной экономики замедлилось в силу общеевропейской неблагоприятной конъюнктуры. Одновременно и в положении чиновничества появились первые трещины: правительство создало институт постоянных провинциальных интендантов, контролировавших действия местных властей. Чиновничество восприняло это как умаление своей власти (первым же требованием парижских верховных судов в 1648 г. было уничтожение института интендантов). Тем не менее «второсортное» дворянство продолжало быть притягательным для торгово-промышленной буржуазии, стремившейся вложить свои капиталы в покупку судебно-административных должностей.

Было ли дворянство мантии вторым господствующим классом, уже оторвавшимся от деловой буржуазии и существующим наряду с родовитым военным дворянством? Оно было достаточно богато, подавляющее большинство его членов обзавелось обширными поместьями. Для всего населения (в том числе и для родовитого дворянства) оно воплощало королевскую власть — суд и администрацию. Это был самый культурный слой французского общества того времени; именно из его среды вышли ученые, члены первых академий и т. п. Но «второсортное» дворянство не составляло класса в том смысле, в каком этот термин приложим к родовитому дворянству. Оно еще только недавно и еще не полностью оторвалось от торговой буржуазии, продолжая принимать в свою среду выходцев из нее. При помощи скупки дворянских земель оно стремилось слиться со старым дворянством, но враждовало с ним в социальной сфере. В политическом плане верхи чиновничества — члены парламентов и в особенности парижский парламент — претендовали на контроль над законодательной деятельностью монарха, но их притязания не выходили за рамки монархии как таковой; неудивительно, что они потерпели неудачу. Иными словами, политическое сознание дворянства мантии отставало от его экономического и социального преобладающего положения. «Этот авангард буржуазии укрепляет монархию и более всего стремится полностью заместить старое дворянство; отсюда и отсутствие у него самосознания».³³ Из-за феодализации

³³ Там же, стр. 60—61.

части буржуазии путем приобретения многими ее членами дворянских земель и должностей у нее отсутствует классовое самосознание; оно появится лишь через столетие, в середине XVIII в.

Затем Мандру переходит к анализу народных движений. Обстановку во Франции того периода он обозначает как своего рода социальный парадокс: попытки высших классов добиться от абсолютизма выполнения своих требований (речь о них шла выше) не достигают цели. Между тем рядом с ними существует всегда готовая к действию народная масса. Впрочем, отмечает Мандру, такой она была также и до начала XVII в., и после. «На деле следует говорить о настоящей непрерывности народных восстаний, об их традиции».³⁴ Начало было положено средневековыми жакериями, конец можно до известной степени приурочить к XVIII в. Важно, что память о восстаниях никогда не исчезала в народном сознании, и вплоть до революции они представляли собой основное явление в материальной и психической жизни народа. Историю этого еще предстоит написать.

Мандру считает, что в исследуемый период бросаются в глаза две характерные черты народных движений: сила этой всегда готовой к действию революционной армии, восстающей против королевской власти или каких-либо социальных групп, и ее слепота (aveuglement), точнее, непонимание социального и политического значения своей борьбы.

Что же конкретно представляют собой крестьянство и плебейство того времени? Наиболее многочисленная часть народа — крестьяне — находится, действительно, в тяжелейшем положении, но не по причинам, связанным с изменением землевладения (т. е. с переходом земель в руки буржуа), а из-за малоземелья. Крестьянское хозяйство слишком мало по размерам, слишком обременено сеньориальными платежами, десятиной, налогами. В этом смысле крестьянство все время находится под угрозой гибели. Плохая погода выбивает его из колеи, два-три неурожая уже представляют собой катастрофу.³⁵

Лишь немногим лучше положение городского плебейства. Экономические трудности, возникшие в XVII в., обрушились на ремесленников и работников мануфактур главным образом в форме безработицы. По мере усиления депрессии в городах устанавливается длительный экономический маразм.

Наиболее ярким выражением экономических трудностей являются антиналоговые восстания. В девяти из десяти случаев движение в начале направлено против агентов фиска, однако смысл его глубже. Налоги представляют собой лишь окончатель-

³⁴ Там же, стр. 64.

³⁵ Особенно сильно и наглядно это проявилось зимой 1709—1710 гг., но и ранее, в 1634—1636 гг. и в 1661—1664 гг., положение пострадавших провинций было катастрофическим.

ную перегрузку налогоплательщиков, основной же причиной надо считать очень плохую общую экономическую конъюнктуру.

Чем объясняется солидарность крестьянства и плебейства, настолько доминирующая в восстаниях, что ни одной из этих групп нельзя отдать приоритета? Отчасти бродяжничеством обезземеленных крестьян, оседающих в пригородах, но главным образом экономической и социальной солидарностью обездоленных людей. Необходимо учитывать также и быстроту, с которой в такой обстановке распространялись слухи об опасности, вызывая одну и ту же реакцию — восстание. Поэтому городские власти — если они были верны правительству — в первую очередь закрывали городские ворота, чтобы преградить крестьянам доступ в город. Трудную экономическую конъюнктуру и солидарность крестьянства с плебейством Мандру считает главными причинами большого числа и силы народных движений. Они представляли собой огромную потенциальную политическую силу и, будучи используемыми другими классами, могли до известной степени стать силой реальной, как, например, в 1639—1640 гг. в Нормандии.³⁶

После этих соображений Мандру переходит к главному вопросу: чем же объяснить бессилие народной массы, ее «слепоту»? По его мнению, главная причина заключалась в полном отсутствии политического сознания. Крестьяне и ремесленники не обладали достаточной политической зрелостью (ее не было в ту пору и у буржуазии). Доказательством тому служит проявлявшийся в большинстве восстаний паразитальный монархизм.³⁷ Однако лозунги «Да здравствует король без габели!» (или «без тальи») пусты в том смысле, что они были обращены к символизировавшей существующий порядок персоне с просьбой отказаться от этого порядка. Надо отметить и полное отсутствие выступлений против церкви — нет движений против десятины, ее сборщиков, юре и т. д.³⁸

Лояльность по отношению к монархии и церкви сочеталась с наличием лишь краткосрочных конкретных целей восстаний — требованием отмены нового налога или новой системы налогообложения и т. п. В движениях не прощупываются мотивы, способные придать им длительность, смысл и соответствующую идеологию. Они почти всегда очень кратковременны и редко длятся более десяти дней. Гнев и недовольство накапливаются годами, но вспышка недолга, и большей частью движение стихает само

³⁶ Мандру подчеркивает, что наибольший гнев и репрессии правительства вызвала именно попытка руанского парламента использовать движение в своих интересах (там же, стр. 72—73).

³⁷ Следует учесть, что почти всем социальным движениям во Франции в XVI в. была присуща антимонархическая идеология (гугеноты, Католическая Лига и т. д.), см. стр. 313.

³⁸ По этой причине Мандру вообще исключает духовенство при рассмотрении социальной структуры Франции первой половины XVI в.

по себе. Это спорадические кризисы, а не организованное и координированное, т. е. политическое, движение.³⁹

Выводы Мандру таковы: народные восстания во Франции в XVII в. не могут быть рассматриваемы как борьба классов, как форма классовой борьбы, существовавшая наряду с борьбой между дворянством и буржуазией. Эти движения были направлены против всех без различия господствующих классов и лишены классового самосознания. Еще меньше можно говорить о классовых фронтах, ибо они в соответствии с обстоятельствами то формировались, то распадались. Народные массы не могут стремиться к революции до той поры, пока они сами не осознали этого стремления. Класс, который, возможно, и стремится к революции, но еще не понимает, что может ее совершить, не является революционным классом.⁴⁰

Кроме этих соображений, Мандру предлагает также выводы общеметодологического порядка. Прежде всего он подчеркивает необходимость детального изучения социально-экономической структуры «трагического» XVII века. Он требует — ради восстановления правильной исторической перспективы — большего внимания историков к кризисной ситуации, к расширению диапазона исследований. Мандру считает острые социальные конфликты (особенно в 1630—1640 гг.) далекими предшественниками событий 1789 г., ибо утрата социального равновесия, столь ощутимая уже в начале XVII в., в дальнейшем еще более усилилась,⁴¹ приобретя характер долговременного явления (*de longue durée*).

В качестве другой важной методологической проблемы Мандру выдвигает необходимость максимально точного определения того или иного явления, в данном случае классовой борьбы. Оно должно иметь свое социологическое объяснение. «Утверждение, что нет классовой борьбы, если нет классового самосознания, выдвинуто не для того, чтобы с лукавым удовольствием ограничить классовую борьбу немногими конфликтами».⁴² Необходимо отличать слепую силу от силы целенаправленной. Поэтому понятие классовой борьбы вводит исследователя в область изучения коллективной психологии, становления самосознания общества как следствия всех условий его исторического бытия.

Из этого вытекает третья методологическая проблема — изучение «мировоззрения» каждой из социальных групп, т. е. сте-

³⁹ Исключение составляет лишь Нормандия в 1639—1640 гг., где движение поддерживалось буржуазией некоторых городов и некоторыми дворянами. Но это исключение лишь подтверждает правило.

⁴⁰ Там же, стр. 78.

⁴¹ В качестве одной из черт этого отсутствия равновесия он отмечает, что дворянская реакция началась отнюдь не в XVIII в. — она палица уже при Генрихе IV.

⁴² Там же, стр. 84.

пени и уровня ее классового самосознания и ее отношения к другим слоям общества. Если, например, у всего французского крестьянства отсутствует в начале XVII в. идея борьбы против какой-либо другой социальной группы, нельзя говорить о классовой борьбе крестьянства в национальном масштабе. Такого рода проблематика требует от историков огромной, но очень важной исследовательской работы, охватывающей все стороны человеческого существования — экономическую, социальную, культурную. «Лишь диалектически целостная история достойна называться историей» — заключает автор.⁴³

Отметим также постановку интересующих нас методологических вопросов в некоторых рецензиях.⁴⁴

Итц считает, что для воссоздания полной картины народных движений необходимо учитывать политику правительства в целом. Оно могло избежать восстаний — надо было отказаться от дорогостоящей внешней политики (т. е. от войны и помощи союзникам), что позволило бы облегчить налоговое бремя. В этом и заключалась политическая программа канцлера Марильяка, выдвинутая им в противовес планам Ришелье и отвергнутая кардиналом.

Виванти обращает внимание на необходимость разработки таких вопросов, как налоговая политика в целом, определение стадии в развитии экономики (переход от аграрной по преимуществу к появлению предпосылок для промышленного переворота), реальное экономическое положение народных масс и буржуазии, еще не составлявшей в ту пору самостоятельной и сильной социальной группы, и т. д.

Лемарриан намечает пути для дальнейшего изучения проблемы, призывая к значительному расширению источниковедческой базы и к уточнению основных понятий в области социальной структуры, в особенности понятия «народные массы». Подходя к проблеме с марксистских позиций, он выдвигает интересные и важные в методологическом плане соображения.

Так, по вопросу о «феодализации» буржуазии Лемарриан занимает совершенно правильную, по нашему мнению, позицию.⁴⁵ Он последователен в оценке высшего чиновничества как дворянства, подчеркивая, что у аноблированной буржуазии изменялся и экономический характер имущества. Высшее чиновничество стало дворянством по источнику своих доходов; поэтому и произошло постепенное слияние дворянства мантии (чиновничества) с дворянством шпаги (родовитым дворянством). Процесс этот полностью завершился в XVIII в. Следовательно, правительство управляло государством при помощи дворян, а не буржуазии.

Лемарриан возражает против тенденции искать главную причину народных восстаний в изменившейся экономической конъюнк-

⁴³ Там же, стр. 88.

⁴⁴ См. сн. 11.

⁴⁵ См. стр. 302—303.

туре, повлиявшей также и на демографические явления, причем классовая борьба не отрицается, но зачисляется в разряд второстепенных факторов. Критикуя эту концепцию, Лемаршан считает необходимым обратиться к взглядам Маркса и Энгельса. Они указывали, что противоречия между классами отнюдь не исключают внутриклассовой борьбы различных групп и лиц. Государство в классовом обществе защищает не интересы отдельных слоев господствующего класса, но его самые общие интересы. Отсюда проистекают противоречия второстепенного порядка между коллективными интересами класса и стремлениями его отдельных членов, что иногда приводит к их выступлениям против правительства.

Лемаршан признает, что во Франции XVII в. классовая борьба происходила без отчетливого классового самосознания, которое имело еще незаконченную, неотлившуюся форму, представляя собой результат лишь действия социальной практики. Народ обращал гнев на непосредственного виновника своей нищеты — налогового сборщика и т. п., но в большинстве случаев восстание быстро расширяло круг виновников и тогда направлялось уже против всех богачей. Восстания в XVII в. терпели поражения также и из-за того, что народные массы не обладали развитым классовым сознанием и полным пониманием эксплуатирующей их системы. Отсутствовало у них и понятие общеклассовой солидарности, тем более, что сам «народ» представлял собой не какой-то единственный класс, а коалицию различных классов.⁴⁶ Их объединяло другое: все они были объектами эксплуатации со стороны сеньоров, купцов, городских властей или фиска.

Что касается роли и значения изменившейся в 1630—1650 гг. экономической конъюнктуры, то Лемаршан подчеркивает диалектический характер марксистского понятия причинности. Нельзя считать какой-либо фактор полностью неизменным в своем действии, нельзя и все причины восстаний воплощать лишь в особенностях той или иной экономической конъюнктуры, забывая, что социальные конфликты феодализма присущи самой его структуре и не являются чем-то случайным. Существует непреодолимое противоречие между теми, кто берет и наказывает, и теми, от кого берут; оно может исчезнуть лишь с исчезновением самой системы. Поэтому Мандру правильно говорит о «традиции народных движений». Кроме того, во Франции было немало восстаний еще до изменения экономической конъюнктуры к худшему (например, в 1589—1595, 1598—1602, 1616—1618 гг. и т. д.). Возможно, ухудшение легло на народ новыми тяготами, но это обстоятельство

⁴⁶ Лемаршан ссылается при этом на исследование А. Соболя о санкюлотах и считает, что установленную для конца XVIII в. гетерогенность этого социального слоя можно до известной степени отнести и к XVII в.

может объяснить лишь рост числа восстаний, но не сами движения как таковые. Разумеется, надо учитывать циклическое движение цен и дороговизну: голод может стать причиной восстаний, однако поведение при этом народных масс определяется также борьбой классов.

Подведем некоторые общие итоги полемики, а в связи с ними изложим и наши соображения, которым мы хотели бы придать позитивную форму как обеспечивающую большую компактность и стройность построения и критики.

Разнообразие взглядов, высказанных в разобранной нами дискуссии, весьма значительно, и знаменателен большой интерес к наиболее важным проблемам, можно даже сказать к самой сути проблемы классовой борьбы во Франции XVII в. и к методологии ее изучения. Влияние марксистской теории на некоторых участников полемики не подлежит сомнению даже в тех случаях, когда они исходят из других методологических основ. Важно и то, что многие из предлагаемых ими конкретных путей дальнейшего исследования проблемы могут оказаться плодотворными.

При анализе полемики мы стремились показать, как отдельные взгляды тесно переплетаются, имеют определенную взаимосвязь. Так, например, отрицание «классового фронта» заставило Мунье обратить особое внимание на участие в движениях привилегированных сословий, на значение общей экономической конъюнктуры (поскольку она воздействовала также на политику правительства и на положение господствующего класса). Все вместе взятое привело Мунье к выводу о реакционности устремлений не только дворянства и чиновничества, но и народных масс (поскольку те требовали отмены новых налогов, т. е. возврата к прошлому) и о революционности в XVII в. лишь одного абсолютизма, что вызывает возражения. Гораздо более мотивированная и тонкая аргументация Мандру, в которой многие положения представляются правильными, приводит, однако, автора к отрицанию классовой борьбы народных масс лишь в силу отсутствия у них в XVII в. *развитого* классового самосознания. Вместе с тем он считает классовой борьбой столкновения отдельных групп *внутри* господствующего класса. Таким образом, концепции обоих главных участников полемики упираются в методологию исследования социальной структуры, определения классов и классовой борьбы, роли народных масс и характера народных восстаний. К рассмотрению этих важнейших вопросов мы и перейдем.

Трудности, возникающие при исследовании общества, находящегося в стадии разложения прежней социально-экономической формации и формирования новой, действительно чрезвычайно

велики. Мандру правильно их подчеркивает, а Лемаршан ему вторит, призывая к большей нюансировке определений, касающихся классовой структуры.

Нам представляется необходимым исходить из того положения, что изучение старых классов феодального общества, т. е. родовитого дворянства и крестьянства, должно быть построено по иному принципу, чем изучение возникающих классов нового, еще только в *будущем* буржуазного общества.

Прежде всего в силу того, что первые — действительно классы с устойчивой основной характеристикой, с длительной историей не только социально-экономической жизни, но и политического господства дворянства и политического же подчинения крестьянства, наконец, с многовековой историей именно классовой борьбы. Мандру прав, подчеркивая длительную традицию во Франции народных восстаний. В XIV в. Жакерия и восстание тюшенов — если брать лишь самые яркие проявления — носили характер крестьянских войн. Крестьяне с оружием в руках встречались с феодалами на поле боя, а лозунг восставших жаков требовал истребить всех дворян и самим стать господами. Но такая четкость противопоставления себя именно классу феодалов (еще не государству или королю, о чем ниже) возможна была в XIV в. при соответствующей классовой структуре. Тогда она означала наличие у феодального крестьянства не только ненависти к еще единственному в ту пору эксплуататорскому классу, но и достаточного уровня классового сознания (с теми ограничениями, которые вообще свойственны крестьянству). Тогда эта ненависть имела прямой и точный адрес и выражалась в соответствующих действиях.

Однако в дальнейшем эта ясность замутилась, и чем дальше, тем больше. Государство развивалось и постепенно становилось *главным* эксплуататором крестьянства. Уже во второй половине XV в. оно — по самым осторожным подсчетам — брало от крестьян в два-три раза больше, чем феодальный сеньор. Родовитое дворянство оскудело, утратило добрую долю своих политических и судебных прав и т. д. В деревню явился горожанин — ростовщик и скупщик крестьянской земли. В качестве нового землевладельца (а затем и сеньора) он навязал бывшему держателю более тяжелые условия краткосрочной аренды. В городах обособался развитый королевский аппарат, судивший крестьян и облагавший их налогами. Враг стал многоликим, и фактически все социальные слои, кроме городской бедноты, немалая часть которой относительно недавно пришла из деревни, оказались крестьянству враждебными. Оно лишь постепенно пришло к сознанию, что *всякий* богач уже тем самым его враг (вспомним, что в XIV в. богатый Этьен Марсель еще не был врагом крестьян), а в конце XVIII в. оно смогло уже отчетливо осознать свою враждебность всему общественному строю, воплощенному в короле и

в дворянстве (весьма несхожем с дворянством не только XIV, но и XVII в.):

В XVII в., в эпоху упадка родовитого дворянства и зарождения капитализма, крестьянство не могло выработать столь же четкого сознания, как в XIV и в XVIII вв. Нельзя забывать и о хорошо известных общих особенностях крестьянской идеологии, об ее ограниченности, проистекавшей из условий материального существования массы распыленных мелких хозяйств, о забитости и темноте крестьян, наконец, об иллюзорности их конечного социального и политического идеала, заключающегося в несбыточной мечте установления общества свободных и равноправных собственников-товаропроизводителей. В силу этого крестьянство могло быть союзником буржуазии и движущей силой буржуазной революции (в другую эпоху — союзником пролетариата), но само по себе не могло стать *ведущим* революционным классом.

Однако все присущие крестьянству особенности не мешали ему быть классом и вести почти непрерывную борьбу во имя своих классовых интересов, борьбу революционную в том смысле, что она была направлена против разнообразных форм феодальной эксплуатации и в защиту крестьянского хозяйства. Ленин подчеркивал, что «крестьянское хозяйство, свободное от всяких средневековых стеснений, *не реакционно, а прогрессивно*».⁴⁷

Должны ли эти соображения приниматься в расчет при анализе крестьянских движений? На наш взгляд, должны непременно. Трудно сомневаться в том, что детальная конкретная история крестьянских движений (или участия крестьян в слитных крестьянско-плебейских движениях) не даст целой гаммы разнообразных оттенков целей, характера и идеологии борьбы крестьян. Уже и сейчас ясно, что бретонская жакерия была определена не только комплексом местных условий, но и реакцией именно этих условий на процессы, общие для всей страны. При изучении восстания в Руэрге в 1643 г. также начинают (пока еще только начинают) проступать его индивидуальные черты и т. д. В дальнейшем можно будет проследить и такие процессы, как синхронность — или асинхронность — циклов народных движений не только с экономической конъюнктурой (учет которой необходим), но и с крупнейшими событиями политической жизни, ибо политическое «воспитание» масс, в том числе и крестьянства, играет огромную роль в созревании у них классового самосознания и т. д.

Другая группа соображений касается класса, антагонистического крестьянству, — дворянства, причем многие из них имеют непосредственное отношение к характеру и целям крестьянской борьбы. В характеристике, данной Мандру родовитому дворянству, почти все нам представляется правильным, и лишь один ее элемент

⁴⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 235.

нуждается в уточнении. Мандру считает, что родовитое дворянство обладало в XVII в. особенно отчетливым классовым самосознанием в силу того, что оно остро ощущало свой упадок. Думается, что последнее обстоятельство могло привести в это сознание значительную дозу горечи, но не более. Классовое самосознание французского дворянства выработалось в полной мере задолго до XVII в., и наличие его уже в XIII в. не вызывает сомнений. Может быть, нигде в Европе господствующий класс не обладал столь ярко выраженным сознанием своей классовой исключительности, своего «прирожденного» права господствовать и владеть всеми богатствами страны и т. п. Четкости этой классовой «программы» вполне соответствовала и четкость лозунга жаков, о котором уже была речь.

Эти два уже старых к XVII в. класса феодальной Франции были неразрывно между собой связаны. Соответственно и исследование их истории, в том числе борьбы между ними, должно вестись совокупно. Какие-либо изменения в статусе одного из них непосредственно отражались на положении другого, и обратно. Упадок родовитого дворянства начался не в XVII, а уже в XIV в. и растянулся на ряд этапов. Сперва оно понесло ущерб в политическом плане от централизации государства, а в материальном отношении — от роста государственных налогов, платимых крестьянами. В первой половине XVI в. оно искало выхода во внешней войне, кончившейся поражением, во второй половине — в яростной междоусобице. Междоусобица 1610—1620 гг. также оказалась безуспешной.

Важно отметить, что начиная с 1560 и вплоть до 1632 г. (с перерывом в 1598—1610 гг.), т. е. почти 70 лет, Франция была ареной вооруженной борьбы родовитого дворянства с правительством (или правительства с дворянством). Поучительное зрелище для крестьянства? Бесспорно. Это была очень своеобразная «школа» его политического воспитания, имевшая к тому же — в силу разнообразия местных условий страны — немало различных вариантов, от осуждения крестьянством разорительных гражданских войн до поддержки своего местного сеньора в его борьбе с политической и иной централизацией. В первом варианте усиливался монархизм, во втором — местный партикуляризм, а в промежутке между этими полюсами находилось множество стадий и форм сознания, оказывавших самое непосредственное воздействие на характер как отношений между двумя антагонистичными классами, так и восстаний. Следует еще добавить специфику реформационной эпохи: хотя французское крестьянство в целом осталось в стороне от кальвинизма, все же в некоторых экономически отсталых областях (например, в Дофинэ, Севеннах, Беарне и т. д.) оно его приняло почти поголовно, что создало порой новые связи религиозно-патриархального характера между сеньором-гугенотом и населением округа.

Участие дворянства в некоторых народных движениях на стороне восставших засвидетельствовано источниками. В других случаях несомненна их антисеньорпальная направленность. Было бы неправильно обобщать ту или иную картину в масштабах всей страны или замалчивать те или иные факты. Объяснение должно быть адекватным всему их разнообразию и, следовательно, исходить из учета как общего социально-экономического положения обоих классов и их политической программы (ибо и у крестьянства XVII в. была таковая, при всей ее неизбежной ограниченности, о чем ниже), так и специфики местных условий, отражавших в конечном счете специфику эволюции данной области на пути к капитализму.

Следующей задачей является классовое определение нового дворянства — «второсортного», «параллельного» и т. п. — дворянства мантии. Мы уже отмечали свое согласие с точкой зрения Лемаршана по данному вопросу. В исследуемый период дворянство мантии — достаточно оформившийся социальный слой. По социально-экономической сущности он представляет собой отнюдь не новый класс, а лишь новую группу в господствующем классе. Ее исторические судьбы в XVIII в. в этом плане вполне ясны, но для середины XVII в. они несколько затуманены некоторыми обстоятельствами (борьбой родовитого дворянства с дворянством мантии, борьбой последнего с интендантами и т. д.).

Мандру считает, что дворянство мантии еще не обладает достаточной социальной обособленностью, ибо лишь недавно оторвалось от буржуазной деятельности и продолжает впитывать в себя буржуазные элементы. Его замечание справедливо лишь отчасти, ибо сама по себе «молодость» новой социальной группы еще ничего не доказывает; кроме того, в это время доступ новых членов в состав *высшего* чиновничества был уже очень затруднен. Сам факт некоторого социального пополнения не отнимает от той или иной группы ее отличительных признаков. Главное же, речь может идти не о новом классе, для которого нужна была бы достаточно четкая и определяющая экономическая характеристика, а лишь о новой части господствующего класса, что Мандру и признает в конечном счете, говоря об обновлении французского дворянства в результате слияния старой и новой его частей. Следовательно, в данном случае можно упрекнуть его лишь в известной непоследовательности и в неотчетливой терминологии; один и тот же социальный слой для одного и того же периода фигурирует и как дворянство мантии, и как буржуазия. Разумеется, переходные этапы наиболее трудны для отчетливых определений, однако новое дворянство было в 1620—1650 гг. уже достаточно оформлено, и притом по главным своим классовым показателям.⁴⁸ Мунье не считает верхи чинов-

⁴⁸ См. стр. 306—307.

ничества настоящим дворянством, поскольку знать и родовитое дворянство отказывались считать его своей равней.

Мы подробно остановились на классовой принадлежности к дворянству высшего (отчасти и среднего) чиновничества в силу того, что она определяет во многом ход и течение народных движений. Последние протекают в обстановке напряженной борьбы не между классами как таковыми (дворянством и буржуазией), а внутри господствующего класса, когда различные его слои (а не только отдельные придворные группировки) оспаривают друг у друга власть, материальные блага, социальный престиж и т. д. Правительство до известной степени представляет собой равнодействующую этих сил, для которых политический вес является гарантией их имущественных интересов. Именно поэтому использование любой группой господствующего класса силы народных движений не могло привести ни к чему серьезному, о чем еще будет речь.

Какова же роль подлинной, т. е. торгово-промышленной буржуазии, ее отношение к народу и народным движениям? Пытается ли она их использовать, возглавить, внушить им соответствующую идеологию? Если участие чиновничества или родовитого дворянства в народных восстаниях представляется нам бесплодным в том отношении, что в лучшем случае оно выражало лишь оппозицию той или иной части господствующего класса, то не обстояло ли дело иначе с буржуазией? На все эти вопросы можно дать пока лишь отрицательный ответ, хотя, возможно, в будущем, в итоге более тщательного и методологически более обоснованного исследования, обнаружатся и в XVII в. какие-то зачатки того, что пышным цветом распустится в XVIII в.

В связи с этим перейдем к рассмотрению методологии исследования и определения классов нового, еще только рождающегося общества. Самый характер новых явлений требует иного к ним подхода. Новые классы рождаются не на пустом месте. Они имеют предков в лице тех или иных групп городского населения, которые в феодальном обществе не составляли классов (ни даже класса), но являлись несколько расчлененным изнутри городским сословием. Для того чтобы начать постепенное развитие в класс будущего буржуазного общества, они должны были пережить коренную ломку, в то время как для старых феодальных классов дело заключалось — на данном этапе — в приспособлении к меняющимся условиям. Соответственно пока они были лишены (или почти лишены) идеологического наследства и до поры до времени, т. е. пока не выработали *своего* классового самосознания и своей идеологии, обречены оставаться в тени.

Вопрос о торгово-промышленной буржуазии является первым составным элементом данной проблемы, причем речь должна идти только о торгово-промышленной буржуазии, ибо лишь она определяла основное направление эволюции общества к новой

общественной формации. Гетерогенность буржуазии в XVII в., о которой говорит Мандру, объясняется отчасти терминологией современников (для них слово «буржуа» имело более широкое значение), отчасти непоследовательностью в применении терминологии историками наших дней. Наличие в составе буржуазии рантье, финансистов, интеллигенции ни тогда, ни теперь не придает ей гетерогенности в точном смысле слова.

Мы имели возможность обрисовать специфику положения французской буржуазии в начале XVII в. в других работах⁴⁹ и здесь коснемся лишь некоторых ее черт. Разумеется, класса буржуазии в национальном масштабе в ту пору еще не было; существовала лишь буржуазия отдельных городов, что особенно ярко сказывалось в экономическом плане, так как почти всегда она отстаивала лишь свои местные интересы.

Следует также учесть такое своеобразное явление, как наличие двух групп буржуазии — гугенотской и католической, отличавшихся друг от друга экономическим и политическим положением. Гугенотская торгово-арматорская буржуазия западных и юго-западных городов была в ту пору наиболее богата и имела тесные связи с передовыми странами Европы — Англией и Голландией. Она обладала также значительными фискальными привилегиями и вплоть до 1629 г. фактически не подчинялась политическому контролю центральной власти. Католическая буржуазия северных и юго-восточных городов была теснее связана с внутренним рынком и не имела (за исключением марсельских купцов) фискальных и политических привилегий. Характерно, что в XVI в. даже в таких крупных конфедерациях городов, как Лига и гугенотская республика, доминировали местные (городские) интересы буржуазии. В изучаемый период обе группы буржуазии не только были конкурентами в экономическом отношении, но и враждовали в политическом плане, что также затрудняло формирование класса буржуазии.

В социальном плане дело обстояло несколько иначе, ибо буржуазия начинала осознавать себя в масштабах крупного национального государства. Однако для полного развития этих элементов сознания в качественно новое, классовое самосознание, равно как и для распространения его на область политической мысли, не существовало еще главных объективных условий — достаточного уровня развития капиталистического уклада.⁵⁰ Неудивительно, что у французской буржуазии не было в ту пору ни общей для обеих конфессиональных групп буржуазной идеологии, ни своей особой и притом антимонархической политической программы. Буржуазия была монархична не просто по традиции,

⁴⁹ А. Д. Л ю б л и н с к а я. 1) Франция в начале XVII в. . . . , гл. II; 2) Французский абсолютизм. . . , гл. III.

⁵⁰ Подробнее см.: А. Д. Л ю б л и н с к а я. Французский абсолютизм. . . , гл. III.

а в силу того, что без помощи абсолютизма ее развитие и даже существование встречало серьезные препятствия, которые она сама еще не могла преодолеть.⁵¹

Поэтому невозможен был союз буржуазии городов с более широкими по масштабам народными восстаниями и не могла буржуазия осуществлять даже то ограниченное руководство, которое иногда и временно осуществляли родовитые или новые дворяне, обладавшие классовым самосознанием и определенной политической программой (хотя и не вполне идентичной для двух групп господствующего класса). Крайне слабо изученная роль торгово-промышленной буржуазии в народных восстаниях интересующего нас периода свидетельствует, вероятно, в первую очередь о незаметности этой роли. Буржуазия еще оставалась в тени, за шумными и активными чиновниками и дворянами ее не видно. В то же время она была богата или зажиточна, и восставший народ с основанием зачислял ее в ряды тех, «кому было что терять», т. е. в ряды своих врагов. На это его толкала также длительная традиция. Если противоположность в городах между богатыми и бедными восходила к XIII в., то не моложе была и постоянная внутригородская борьба между основной массой населения и верхушкой. Городские восстания во Франции старше Жакерии на целое столетие, и характернейшей их особенностью является почти полная непрерывность.

Однако положение буржуазии в XVII в. изменилось также и в том отношении, что она, притом лишь сравнительно недавно, перестала быть в городах хозяйкой. Формирование в XVI в. многочисленного королевского аппарата и его аноблирование привели к тому, что (за исключением нескольких гугенотских крупных городов) самыми богатыми и самыми влиятельными людьми в городе стали члены дворянства мантии, оторвавшиеся от торгово-промышленной деятельности. Их родичи, как правило, заполнили муниципалитеты. Французские города «одворянились». Как в гугенотской республике, так и в городах Лиги местная буржуазия в последней четверти XVI в. временно взяла верх, но в первой половине XVII в. ей снова пришлось отступить на второй план.

В связи с этими обстоятельствами законно поставить вопросы: боролась ли вообще буржуазия в ту пору против феодального строя? Может быть, дворянство мантии в своей оппозиции к абсолютизму, наличие которой сомнений не вызывает, отражало и ее интересы? Может быть, оно действительно было авангардом буржуазии и вело ее за собой?

Социальная структура Франции того времени, полная противоречий, не позволяет дать единый ответ на совокупность этих вопросов. Несомненно, что буржуазии пришлось бороться за

⁵¹ О монархичности в XVII в. гугенотской буржуазии см. там же, гл. IV.

свое место под солнцем, за возможность развиваться. Ясно также, что борьба была нелегкой во всех отношениях и прежде всего — в области наиболее важной, экономической.⁵² Кроме того, реакционность политических требований феодальной знати и родовитое дворянство, снова проявившаяся в междоусобицах 1614—1629 гг., заставила буржуазию определить также и свою политическую линию, и это была поддержка абсолютизма, иными словами, отказ от борьбы с существующим политическим строем.

Однако нельзя забывать, что не только для буржуазии, но и для национальных интересов страны в целом абсолютизм был единственной из возможных в то время форм прогрессивного государственного развития. Не только знать и родовитое дворянство, но с 30-х годов XVII в. уже и дворянство мантии стремилось ограничить мощь центральной власти лишь в своих сословных интересах и вернуть политический строй к стадии XVI в. и даже более ранней, что неизбежно повлекло бы за собой и экономический регресс. Против этого и боролась буржуазия. Ее постепенная эволюция в класс прошла несколько этапов, и прежде чем она нашла в этом изменявшемся — благодаря ее деятельности — обществе адекватное себе место, она должна была, также постепенно, отдаляться от своих былых союзников XVI в. и приобретать новых. Печальный исход Лиги способствовал разрыву союза католической буржуазии с феодальными сословиями. То же фактически произошло в XVII в. и в гугенотском «государстве в государстве».⁵³ От дворянства мантии французская буржуазия стала отходить после Фронды и благодаря Фронде; немало ей помог в данном плане Кольбер. Но и до Фронды у буржуазии были противоречия с дворянством мантии. Чем больше парламенты тянули назад, чем энергичнее защищали они свои привилегии, тем менее это нравилось торгово-промышленной буржуазии, ибо дворянство мантии протестовало против дальнейшей централизации и стремилось сохранить провинциальные вольности, так как благодаря им оно держало провинции под своей властью. Буржуазии это уже мешало.

Существовал лишь один стимул для ее объединения с дворянством мантии — протест против налогов, но он был единственным. Кроме того, следует учесть, что парламенты располагали политическими средствами воздействия — отказом в регистрации фискальных эдиктов, ремонстрациями. Сами они были не только судебно-административными, но и политическими учреждениями, на чем и базировались их права ремонстраций и регистрации. Буржуазия не имела никаких своих политических организаций (даже власть в муниципалитетах уже уплыла из ее рук) и политических прав. Она могла лишь представлять правительству пети-

⁵² См. там же, гл. III.

⁵³ Там же, гл. IV.

ции и докладные записки от имени отдельных городов, что она и делала. Нельзя, однако, забывать еще об одной стороне дела. Жалуясь и негодуя, буржуазия все же развивалась и богатела, хотя не так быстро, как хотела. Объективно военные успехи Франции больше всего шли на пользу именно буржуазии: они расчищали ей дорогу на европейские и заморские рынки. Поэтому вызванный войной тяжелейший налоговый гнет⁵⁴ истощал ее накопления, но выигранная война принесла ей много выгод. Больше того, все выгоды достались только буржуазии. Старые сословия уже были бессильны экономически ими воспользоваться.

Некоторое совпадение интересов буржуазии с дворянством мантии не позволяет, по нашему мнению, считать его авангардом буржуазии. Однако политического разрыва между ними в ту пору еще не было; можно говорить лишь о некоторых его симптомах.⁵⁵

Самой гетерогенной частью французского общества были городские массы: мелкая буржуазия (торговцы и мастера, эксплуатировавшие наемный труд), а также самостоятельные ремесленники (цеховые и внецеховые), подмастерья и ученики (фактические наемные рабочие), наемные рабочие в точном смысле слова, мелкие рапты, мелкие чиновники и т. д. От прежних средневековых социальных групп еще оставались целые пласты, удельный вес которых в небольших и мелких центрах был значительным. В крупных городах развивавшаяся мануфактура поставляла качественно новые группы. Все это находилось в непрестанном брожении и борении. Для понимания сложной внутригородской борьбы надо помнить, что в исследуемый период гугенотские города еще только-только (после 1629 г.) перестали быть независимыми от центральной власти, а католические окончательно утратили свои вольности всего за 30 лет до этого. Разумеется, неблагоприятная экономическая конъюнктура усиливала безработицу и нищету. Поэтому причин для городских движений было более чем достаточно.

Сложнее обстоит дело с определением характера городских движений и их идеологии.

Антиналоговые городские движения имели во Франции к XVII в. многовековую давность — не менее 300 лет они были явлением отнюдь не спорадическим (особенно в военные годы). Уже в XIV в. они начинались как антиналоговые, но быстро переходили в борьбу городских масс против городских властей и богачей. Но в XVI в., особенно после 1560 г., они приобрели новое и странное на первый взгляд качество: внутригородская

⁵⁴ Мы не можем согласиться с Б. Ф. Поршневым в его анализе государственного бюджета Франции XVII в. и в его трактовке данных, заимствованных из «Политического завещания» Ришелье (см.: А. Д. Жюблинская ая. Французский абсолютизм. . . , гл. V).

⁵⁵ Они были заметнее в больших портах, например в Марселе, Бордо и т. п.

борьба (напомним, что она возникла еще в XIII в.) временно затихла, и город в целом восстал — в составе гугенотской или католической федерации — против королевской власти. Единение социальных сил в городе принесло успех: возродились средневековые городские вольности и сократились королевские налоги. Так по крайней мере казались горожанам на первых порах. Время, однако, показало иллюзорность этого: в итоге гражданской войны страна и города были разорены больше, чем от налогового гнета.

Политический опыт междоусобиц XVI и начала XVII в. можно было бы определить для городских масс таким образом. Феодальная знать и родовитое дворянство были в их глазах сильно дискредитированы (однако, как показали события Фронды, еще не окончательно), а лагерь политических противников этих сословий — чиновничество и буржуазия — продолжал сохранять известный авторитет. Капиталистические отношения не были еще столь развиты, чтобы только на предпринимателях мог сосредоточиться весь гнев городского населения, весьма к тому же неоднородного. Неудивительно, что протест городских верхов против налогового гнета находил широкий отклик в низах. Немалое значение имел и тот факт, что сперва протест облекался, как правило, в легальную форму — переговоры городских властей с интендантом, отправка депутации ко двору и т. п.; иногда эти меры давали известные результаты. Защита провинциальных вольностей имела для народных масс тот же смысл.

Таким образом, наибольшая для той поры социальная гетерогенность именно городских масс, отсутствие в их среде не только пролетариата, но в большинстве городов даже и предпролетариата, множественность противостоявших им в городе социальных верхов (новое чиновное дворянство, а частично и родовитое, буржуазия, интенданты и агенты фиска), политическая обстановка, выражавшаяся в борьбе, зачастую вооруженной, привилегированных сословий между собой и с правительством, — все это и многое другое ставило перед городскими народными массами сложнейшие вопросы: каким образом и с чьей помощью уберечься от новых налогов и тягот? С кем бороться и во имя чего?

Цель могла быть для них ясна лишь в наиболее конкретной форме. Объединяющим всю эту массу моментом был гнет налогов, причем именно последний по времени налог воспринимался как совершенно невыносимый. В остальном условия жизни и труда ремесленников и рабочих, с одной стороны, мелких торговцев, рантье и мелких чиновников — с другой, разъединяли их гораздо больше, чем сближали. Кроме того, у каждого слоя были свои особые требования, традиции, представления. В городах Франции еще нередки были стычки между цехами, цеховыми и нецеховыми ремесленниками, ремесленниками и чернорабочими и т. д. Восстание же против налога, откупщика, интенданта

охватывало всю — или почти всю — массу; других более действенных в ту пору причин для ее единения не было.

Были ли подобные движения политически осмысленными и целенаправленными? Прежде всего рассмотрим их *результаты*. Почти никто из историков не интересовался этим вопросом, хотя он заслуживает большого внимания.

Очень часто конечным итогом восстания была — наряду с репрессиями — известная уступка правительства: сумма налога сокращалась или же он видоизменялся, порой вовсе отменялся и т. п. Для восстаний 1620—1640 гг. это объяснялось общим трудным положением правительства, необходимостью маневрировать. Бывали и такие случаи, когда именно восстания толкали власть на некоторые реформы, на более действенный контроль над своим аппаратом и т. п.

Возьмем в качестве примера восстание в Эксе в 1630 г. Пошло ли оно на пользу провинции и парламенту? Месяц изгнания — вот что заплатил парламент, а провинция уплатила полтора миллиона ливров. Однако фискальная реформа не была в Провансе введена, т. е. цель восстания была достигнута.

Для имущих слоев и особенно для чиновного дворянства многие восстания имели прямую политическую цель и материальную выгоду. Иначе трудно понять то странное упорство, с каким они снова и снова пускались в, казалось бы, опасные и рискованные авантюры. Во всяком случае они почти всегда рассчитывали на то, что восстание заставит фиск умерить требования, тем самым сохранит их доходы и ущемит функции интенданта, а это опять-таки пойдет им на пользу. В какой мере в каждом отдельном случае такие надежды сбывались, покажут дальнейшие исследования, но и теперь ясно, что они нередко осуществлялись в той или иной степени.

Определить степень материальной пользы для неимущих слоев гораздо труднее, но отмена или изменение суммы налога могли и для них быть, хотя бы на короткое время, некоторым облегчением. Налоговая политика правительства не отличалась единообразием: в разных провинциях еще сохранялись свои особенности налогообложения (этим в значительной мере объясняется преобладание восстаний в провинциальном масштабе). Нередко случалось, что, сделав уступку какой-либо провинции, правительство увеличивало налоги в другой и т. д.⁵⁶ Что касается целей политических, т. е. сознательного намерения изменить что-либо в существующем строе в своих интересах, то у городских масс их в ту пору быть не могло. Отдаленность большинства провинций от столицы, очень смутное представление о структуре государственной власти, монархистские иллюзии — все это мешало появиться какому-то

⁵⁶ Следует отметить, что динамика налоговой политики в исследуемое время еще не изучена.

своему и новому (отличному от традиционного) понятию о правительственной власти.

Значит ли это, что народные движения изучаемого периода совсем не были осмысленны и не обладали признаками классовой борьбы?

Осознанная и целеустремленная борьба классов в преддверии революции (в данном случае буржуазной революции), т. е. высшая форма классовой борьбы, отсутствовала во Франции в XVII в. Но была другая ее форма, менее осознанная и не столь зрелая; однако в основе ее лежали именно противоречия классов, хотя и не столь ярко выраженные, как в 1789 г.

Отметим прежде всего, что не было классовой борьбы буржуазии с дворянством. Причина заключалась не в том, что часть буржуазии «изменила» своему классу и «ослабила себя», перейдя в состав дворянства (нет нужды снова повторять, насколько незрелы были в ту пору капиталистические отношения во Франции). Даже если бы она того хотела, ее созданные в торговле капиталы не могли быть в полной мере реализованы в мануфактуре в силу стечения целого ряда обстоятельств экономического и политического порядка. Именно поэтому она их частично употребляла на иные цели.⁵⁷ Потенциально буржуазия была антагонистична знати и родовитому дворянству, но в то время не она вела борьбу с их реакционными политическими стремлениями, но абсолютизм, который и возник именно потому, что существовала буржуазия. Она его поддерживала за то новое и ей необходимое, что он вносил в государственную структуру — за централизацию, а также за его отпор политическим притязаниям реакционных феодальных сословий, не говоря уже о протекционизме, рабочем законодательстве и т. п.

Борьба бесспорная и зачастую очень наглядная происходила внутри господствующего класса между двумя его группами. Но она никак не может быть определена как борьба классов. Отличия между старым и новым дворянством, в XVI в. еще довольно значительные, в XVII в. все более и более сглаживались по мере постепенного социального и политического слияния этих групп.

Иначе обстояло дело с борьбой крестьянства. Несмотря на все происшедшие в этом классе изменения и на его некоторую социально-экономическую дифференциацию, оно все же представляло собой класс, и притом самый многочисленный. Оно боролось против обеих групп дворянства, а те — против него. Крестьянские восстания нередко были жакериями. Причастность дворян к некоторым из них — явление сравнительно редкое. Вообще крестьянские движения изучены еще далеко не достаточно, и в сущности их надо исследовать заново, на иной источниковедческой базе и с другой проблематикой.

⁵⁷ См.: А. Д. Люблинская, Французский абсолютизм. . . , гл. III.

Было ли крестьянство «слепо» в своей борьбе? Нет, его идеологию нельзя назвать слепой или неосмысленной. В XVII в. оно представляло собой класс лично свободных товаропроизводителей и фактических собственников земельных участков (слои арендаторов, не имевших своей земли, был еще относительно невелик), отягощенных феодальными поборами и особенно государственными налогами. Снижение тех и других (в первую очередь налогов) до какого-то «справедливого» уровня лишь внешне означало возвращение к «добрым старым временам». По существу это была самая настоящая программа крестьянства, стремившегося укрепить свое самостоятельное хозяйство, освободив его от феодальных поборов и государственных налогов. Прогрессивность этой программы заключалась в том, что она стимулировала крестьянство, т. е. класс, давно уже располагавший средствами для такого самостоятельного хозяйствования, к борьбе со всеми формами феодального гнета. Данная программа соответствовала реальному положению вещей и была затем осуществлена в ходе буржуазной революции. Об иллюзорности социально-политического идеала крестьянства мы уже говорили.

В развитии крестьянской идеологии важным переломным моментом является переход от борьбы с феодалами в XIV в. к борьбе с феодальным государством сперва в масштабе провинции (или группы провинций), затем, в конце XVIII в., — страны. Крестьянские восстания XVI в. изучены столь недостаточно, что трудно определить, какое именно место занимает в них борьба с государством. Но в XVII в. борьба в масштабах провинций и групп провинций налицо.

Для городских движений мы предпочли бы выбрать более осторожные формулировки. Плебейство не составляло класса. Это была смесь самых разнородных старых и новых элементов с еще значительным численным и качественным преобладанием именно старых. Те зачатки классовой борьбы наемных рабочих с предпринимателями,⁵⁸ которые во Франции явственно проступили в стачках XVI в., имели место и в первой половине XVII в., но они изучены крайне мало, и трудно сказать, поднялась ли эта борьба в то время на какую-либо более высокую ступень. Во всяком случае в обществе, еще далеко даже от буржуазной революции, она еще не могла занимать главенствующего положения.

⁵⁸ В. И. Ленин писал: «Когда рабочие отдельной фабрики, отдельного ремесла вступают в борьбу со своим хозяином или со своими хозяевами, есть ли это классовая борьба? Нет, это только слабые зачатки ее. Борьба рабочих становится классовой борьбой лишь тогда, когда все передовые представители всего рабочего класса всей страны сознают себя единым рабочим классом и начинают вести борьбу не против отдельных хозяев, а против всего класса капиталистов и против поддерживающего этот класс правительства» (В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 187—188).

Очень характерно, что в XVII в. городские восстания почти никогда не начинались с выступлений бедноты против богачей. Движущим моментом оставалась борьба с фиском, представлявшая собой в условиях Франции лишь первичную и еще малоосознанную стадию борьбы с правительством. Кроме того, лозунги «Да здравствует король без элю!» (или «без габели») ⁵⁹ нельзя назвать пустыми даже в том смысле, как считает Мандру. В ту пору король действительно мог «здравствовать» без элю или без габели не только в сознании народных масс, но и в реальности: ведь он в тот период так и остался королем «без элю» в Провансе или «без габели» на юге. Следовательно, борьба с фиском, в которой народные восстания играли главную роль, отнюдь не была бессмысленной. Она не раз (может быть, чаще, чем можно сейчас думать на основании имеющихся исследований) приводила к каким-то положительным результатам, т. е. восставшие достигали до известной степени поставленных ими целей. Поэтому такие действия, как убийство агентов фиска или изгнание их из города, также не были бессмысленными вспышками народного гнева. Они являлись одним из средств для достижения цели.

Но характерно, что после этих действий, т. е. отказа от уплаты налога, изгнания или убийства агентов фиска и т. п., восставшим — если это было восстание в одном каком-либо городе — действительно ничего не оставалось делать в политическом плане. Восстание стихало не просто в силу исчерпания энергии восставших: оно или пресекалось властью вооруженной рукой или же кончалось вследствие отмены налога (либо сокращения его суммы и т. д.). Для того чтобы восстание охватило всю провинцию или группу провинций, нужно было, чтобы увеличение старого налога либо введение нового коснулось более или менее значительной территории (или ощущалось болезненнее именно на данной территории.). Тогда вся провинция действовала такими же способами, как и отдельный город, но уже в провинциальном масштабе, что нередко приводило к вооруженным столкновениям с правительственными войсками. В подобных случаях осознание цели восстания охватывало большие массы народа и принимало до некоторой степени политический оттенок. Это была важная ступень в длительном процессе выработки политического и классового сознания народных масс. Но до намерения свергнуть существующий строй и политический порядок было еще очень далеко.

Вернемся к городским движениям. Борьба с богачами обычно следовала за борьбой с фиском, но сама по себе она еще не поднимала движение и сознание его участников на более высокую ступень в социальном или политическом плане.

⁵⁹ Лозунги восстаний, направленных против введения податных округов (элю — чиновник податного округа) или против соляного налога (габель).

Городские восстания во Франции в XVII в. представляют собой один из этапов социальной борьбы в городах в период развития капитализма в недрах феодального общества. Они постепенно расчищали почву для появления более высоких форм классовой борьбы в эпоху подготовки и победы буржуазной революции. В этом же направлении действовали и восстания, развертывавшиеся в провинциальном масштабе.

Подведем некоторые итоги.

Прежде всего нам представляется — к этому подводит весь ход дискуссии — что необходимы самые точные определения всех составных элементов классовой структуры общества. Критерием должно служить марксистское определение класса по занимаемому месту в системе общественного производства, по отношению к средствам производства, по роли в общественной организации труда и по способам получения доли общественного богатства. Для переходного периода, каким был XVII в. во Франции (особенно его первая половина), очень важны также определения стадии восходящего или нисходящего развития класса, равно как и различных социальных слоев, характерных именно для этой переходной эпохи.

Классовую борьбу данного периода надо рассматривать как особую фазу, которая еще не может иметь ярко выраженных и зрелых форм не только сознания, но и самой классовой борьбы как таковой. Однако в основе ее лежат столкновения интересов различных классов и сословий. Буржуазная революция и свойственная ей зрелая ступень классового самосознания не рождаются на пустом месте, но готовятся веками. Дальнейшие исследования покажут, к какому именно этапу в этом длительном процессе следует отнести первую половину XVII в., однако и сейчас уже ясна вся важность данного периода в истории Франции.

Основная специфика народных движений именно в XVII в. и отношение к ним (участие в них) различных групп господствующего класса и буржуазии могут быть определены с достаточной обоснованностью лишь при определении того места, которое эти движения занимают во всей истории средневековой Франции, чрезвычайно богатой такого рода событиями. В частности, нельзя пройти мимо весьма показательной истории предшествующего столетия, а именно гражданских войн XVI в., когда взаимосвязь между движениями народных масс (главным образом в городах) и выступлениями привилегированных сословий приняла форму довольно длительного политического союза, направленного против абсолютизма. В первой половине XVII в. эта взаимосвязь еще не исчезла, хотя политический союз уже распался.

Особого внимания требует изучение результатов восстаний, так как с ними тесно связаны проблемы целей народных движений и социальной психологии их участников.

Идеология народных масс в исследуемый период представляет особые трудности для изучения. По нашему мнению, народные движения нельзя определять как «слепую силу». Это значило бы полностью обесмысливать борьбу народа как в объективном, так и в субъективном планах. Объективно, т. е. независимо от сознания самих народных масс, они выполняли крайне важное дело борьбы с феодальным строем и притом в эпоху, когда буржуазия еще не была способна на открытую борьбу с ним. Они пока что делали за нее ее дело, разумеется, не понимая конечных целей своих усилий. Но и субъективно народ не был слеп в своей борьбе. В особенности это касается крестьянства, у которого был уже вековой опыт классовой борьбы с феодалами и которое переходило в стадию борьбы не только с феодалами, но и с поддерживавшим их государством. Крестьянство имело конкретные цели в борьбе и частично могло их добиваться. В городских движениях в силу большой социальной пестроты основной массы городского населения и отсутствия значительных контингентов наемных рабочих труднее уловить элементы осознанных и широких по масштабу целей. Однако в борьбе с налоговым гнетом городские низы все же ставили себе определенные цели и нередко добивались хотя бы частичного их достижения.

Очень интересной задачей представляется нам исследование политической истории восстаний 1620—1640 гг. Что именно вызвало тогда усиление налогового гнета? Могло ли правительство избежать войны и связанных с ней огромных расходов? Какова была в целом его фискальная политика и каковы в данном плане результаты восстаний? Изменяли ли они в какой-либо мере налоговую политику, вызывали ли какие-либо реформы? В чем состояло значение восстаний в общем курсе политики абсолютизма? Выяснение также и этих проблем будет во многом способствовать уточнению смысла, роли и значения борьбы народных масс в первой половине XVII в., а следовательно, и во всей истории Франции.